

УДК 13 +122

ORCID 0000-0001-9186-0767

ЭПОХА ТОТАЛЬНОЙ ГЛУХОТЫ: ПРИРОДА И ПОСЛЕДСТВИЯ АНТИКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА

Ю.Ю. Бродецкая д. филос. наук, доцент кафедры философии
Днепропетровского национального университета им. О. Гончара

В статье обзорно анализируется состояние кризиса современной культуры, его причины и факторы, уходящие своими истоками в экзистенцию человеческой со-бытийности. Выявляются основные проблемные зоны и онтологические основания экзистенциального вакуума, лежащие в основании разрыва сакральных связей человека с реальностью, потере смысла жизни. Выявлено, что нарушение связанности и связности проявляет онтологическую природу феномена отчуждения, девальвирующего ценность и уникальность человеческой жизни, разрывающего синтез между смыслом и знаком. Обозначены перспективы преодоления проблематики, в качестве которых выступает формирование качественно нового символического пространства – культуры благодарения, слышания Другого, где ценностью является человеческая жизнь.

Ключевые слова: *шизогенность, смыслоутрата, отчуждение, универсальные ценности, культура благодарения.*

Актуальность проблемы. Вопрос о возможности человека, его реализации, перспективе, и, как следствие, проблемах требующих своего преодоления на этом пути, формируют поле активных дискуссий современного социально-философского анализа. Речь идет о тех фундаментальных аспектах, которые угрожают реализации сущностной природы человека, его творческому воплощению в системе общественных отношений, гармонии и балансу последних. На первый план здесь выходят те факторы и процессы, которые характеризуют социокультурную ситуацию современного общества. Так, говоря о характере современной культуры, определяющей состояние социума и человека, их перспективу, многие современные исследователи выделяют в качестве одной из ведущих ее черт *амбивалентность* (норм, ценностей, позиций), противопоставляя ей «бинарную логику» традиционной культуры. *Амбивалентность* ставится в один синонимический ряд с *плюральностью* и провозглашается нормой современной культуры.

Вместе с тем, «фальшивая нормализация мира» (в терминологии Ю. Кристевой) и те формы, которые она приобретает в современных

условиях в виде девиаций и кризисов социокультурного развития, не возникает здесь и сейчас. Данные тенденции имеют давнюю историю, последствия которой и определяют современную ситуацию, угрожая стабильности общества и продуктивному развитию человека. И, несмотря на это, динамика формирования пространства всеобщей глухоты, где правят законы мертвой материи, холодного разума, каменного сердца, не спадает. В связи с этим хочется привести цитату Л. Фейербаха, который в предисловии ко второму изданию «Сущности христианства» отмечает: «В наше время предпочитается образ – самой вещи, копия – оригиналу, представление – действительности, видимость – сущности, истина нечестива» [1]¹. Вместо души – материя, вместо Истины – фальсификации, вместо нормативности, очерчивающей ориентиры человеческого развития – этический релятивизм. Мир фрагментирован и разбит на тысячи осколков. И эта историческая драма преподнесена как вершина освобождения человеческого сознания, его способности поставить личность на место Творца истории.

Само пространство социокультурного взаимодействия сегодня представляет собой своеобразный театр, чьим метапринципом является игра. Последняя увлекает человека своей отвлеченностью от реальности, соблазняет безответственностью, скрывает направленность и конечность его пути. Она присыплет бдительность, уводя в иллюзию – область желания, где нет места Другому, нет обязанностей и общих правил, нет ответственности, то есть того, что формирует в нем культура слышания, и того, что в кризисном мышлении прописывается как «ограничение». И вот в сознании человека уже формируется мираж «свободы без ограничений», с актуализацией которого нарастает вседозволенность, неограниченность власти моего желания.

Увлеченность игрой уводит от ценности реальной жизни, не формирует осмысленности ее полноты², возможности постигнуть ее уникальность. В

---

¹ Эти слова Л. Фейербаха взял эпиграфом Г. Дебор для работы «Общество спектакля», которую в соответствии с духом книги имеет значение «Общество зрелищ».

² Речь идет о проблемах идентичности. Считается, что игра происходит из гегелевского принципа «фундаментальной иронии», сформулированного философом в работе

связи с этим, современный философ В. Руднев отмечает, что европейская культура XX века проходит под знаком шизофренизации как нормы, встраивая в синонимичный ряд «философии безумия» культуру XX века [2].

Другими словами, амбивалентность и релятивность культурных ценностей и норм формирует в сознании современного человека искаженные идеалы. И, несмотря на то, что постмодернисты возводят «вечные ценности» в статус тоталитарных и параноидальных идефиксов, которые препятствуют творческой реализации человека, а в качестве истинного идеала объявляют хаосмос (то есть первоначальное состояние неупорядоченности, нескованных возможностей), все же и они катастрофично оценивают процесс девальвации «вечных ценностей».

Утрата смыслов, искажение идеалов, размытость норм становится следствием разрыва сакральных связей – между знаком и его объектом. Посредством самокопирований, когда знак полностью отрывается от реальности и превращается в самостоятельный объект, который призван обозначать. Он образует виртуальную реальность, не имеющую ничего общего с подлинной [3]. В такой ситуации, как отмечает Ж.Бодрийяр, личность постепенно теряет свою уникальность, «своё лицо», становясь унифицированным элементом бессмысленного калейдоскопа масок, становится объектом среди объектов [3].

Однако данные тенденции способны актуализироваться лишь в той ситуации, когда сами установки развития (человека, социальной группы, общества в целом) деструктивны, античеловечны, направлены на разрушение, деградацию жизненного мира. В таком пространстве фактически нереально сохранить здравый смысл, связь с реальностью. Поскольку все в этой искаженной системе работает на «смерть субъекта», все подчинено логике разделения, фрагментации. Агрессия и патологичность среды

«Философии всемирной истории» в качестве характеристики мыслящего человека. Иными словами, там, где человек XIX века ощутил бы раздвоение личности, современный человек принимает это за реальность. В отличие от архетипа традиционной европейской культуры (будь-то Эдип или Одиссей), архетипом современной культуры становится «человек без свойств».

отражают сущностную деструкцию, которая поражает разум, сознание, и проявляется в характере общественных отношений, где место Первоначала в замещают идола. О чем идет речь?

В качестве одной из характеристик состояния современного общества (наряду с понятиями «массовое», «потребительское», «общество достижительской культуры» и т. п.)³, шизогенность (шизофреничность) толкуется как *патологическое состояние сознания* (индивидуального либо общественного), при котором *нарушается связность социальных отношений, разрушается граница между действительностью и иллюзией, и формируется искаженное восприятие реальности*. Данное состояние определяет повседневную жизнь человека как враждебную, пугающую, от давления, страха которой необходимо изолироваться. Поэтому проявляется шизогенное сознание в мании величия и ощущении потери контроля над собственной жизнью. По своим характеристикам, симптоматике состояние *шизогенности* (общества, сознания человека) соответствует тотальному сознанию, патологичность и деструктивность которого паразитирует на размытости норм и ценностей человеческой жизни, обесценивании всего, что наделяет ее уникальностью.

Обращаясь к этимологии понятия «шизофрения» [от др.-греч. *σχίζω* – «расщеплять, раскалывать» и *φρήν* – «сердце, душа; ум, мышление»], находим, что последнее имеет достаточно давнюю историю, уходя своими корнями к праиндоевропейскому языку (*skeid-* «раскалывать, разделять» +

---

³ Швейцарский психиатр Э. Блейлер, который ввёл этот термин в психиатрию, доказал, что главная особенность болезни – не слабоумие, а «нарушение единства» (в том числе нарушение ассоциативного мышления). Э. Блейлер выделял в качестве диагностических критерии «четырёх А»: снижения аффекта, аутизм, нарушение ассоциаций и амбивалентность. Он считал амбивалентность основным признаком шизофрении и рассматривал три её типа:

- эмоциональную: одновременно позитивное и негативное чувство к человеку, предмету, событию (например, в отношении детей к родителям);
- волевою: бесконечные колебания между противоположными решениями, невозможность выбрать между ними, зачастую приводящая к отказу от принятия решения вообще;
- интеллектуальную: чередование или одновременное существование противоречащих друг другу, взаимоисключающих идей в рассуждениях человека [4].

праиндоевр. gwhren- «диафрагма; соображение, мышление»). В буквальном своем значении речь идет о расколе имманентной целостности, то есть отчуждении человека от его экзистенциальной сути, потере (вернее, необретенности) смысла жизни, вследствие которых и наступает пустота, хаос – *амбивалентность сознания*, и как итог – *безумие*. «*Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их*» [5 (Еф.4:18)].

В качестве «болезни века», шизофрения становится следствием тотальной релятивности и нигилизма ценностно-нормативной системы, конструирующих картину мира современного человека, «уничтожившего в себе все, что не есть он сам», человека, вообразившего себя Богом. Проникая из сферы индивидуального в общественное сознание, шизогенность мимикрирует под «норму». Эгоцентризм, культ моего желания (то есть заикленность на себе), муссируются и подаются как «истинные» ценности человеческого развития, смысл человеческой жизни. Так, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «детерриториализуя потоки желания, капитализм приближается к своему пределу, который является собственно шизофреническим пределом. Он изо всех сил стремится к производству шизофреника как субъекта декодированных потоков на теле без органов – более капиталиста, чем сам капиталист, более пролетария, чем пролетарий... шизофреник стоит на пределе капитализма: он представляет собой его развитую тенденцию, прибавочный продукт, пролетария и ангела-истребителя. Он смешивает все коды, будучи носителем декодированных потоков желания... Шизофреник это производство желания как предел общественного производства» [6, с. 14].

Наблюдая следствия данных современных тенденций, нужно понимать, что в качестве массового «психического расстройства», формирующего «состояние фальшивой нормальности» и подрывающего продуктивный характер социальных отношений, шизогенность является производным чего-то более глубинного, сущностного. Того, что не просто уродует, но делает

невозможным единство, целостность индивидуального и социального порядков. То есть того, что угрожает моему развитию не в какой-то неопределенной перспективе, а здесь и сейчас, заставляет меня дезактуализировать связи с реальностью. Другими словами, речь идет о той онтологической «перспективе», установке, которую выбирает для себя сам человек, соблазняясь псевдосвободой.

В истории христианской философии мифологическим образом такого раскола, разрыва имманентной духовной связности, отчуждения, исходной точкой заброшенности человека (в терминологии М. Хайдеггера и Э. Фромма) является грехопадение. Нарушение связанности человека с Источником Жизни, и, как следствие, заброшенность в искаженный мир (Адама и Евы), вызвали весь список свойств алиентации – от скуки, уныния, неудовлетворённости жизнью, переживания бессилия, аномии до нигилизма, изоляции, утраты смысла, которые детерминировали страх смерти. Как отмечает Е.Фромм, «самосознание, разум и воображение нарушили «гармонию» животного существования. Их появление превратило человека в аномалию, в каприз универсума. Человек – часть природы, он подчинен физическим законам и не способен изменить их; и все же он выходит за пределы природы. Он отделен, будучи частью; он бездомен и все же прикован к дому, в котором живет вместе со всеми другими существами. Брошенный в этот мир в определенное место и время, он таким же случайным образом изгоняется из него. Осознавая себя, он понимает свою беспомощность и ограниченность собственного существования. Он предвидит конец – смерть. Он никогда не освободится от дихотомии своего существования: он не может избавиться от разума, даже если бы захотел; он не может избавиться от тела, пока жив, и тело заставляет его желать жизни» [7].

Среди всех характеристик отчуждения, наиболее сущностной и глубинной стала именно утрата смысла, продуцирующая деструктивные

модификации заброшенности⁴ человека в мир. Так, анализируя проблему отчуждения, Ж. Бодрийяр выделяет следующие признаки данного процесса в смысловой сфере общества: формирование виртуальной реальности, независимой от подлинной, и произвольно конструирующей смысл тех или иных событий; отрыв означаемого от означающего; девальвация ценностей и норм; неуправляемость и катастрофичность последствий научно-технического прогресса для человека [8].

В этом смысле, отправным моментом анализа природы отчуждения служит положение Н. Бердяева о том, что «любое материализованное бытие есть отчужденное бытие» [9, с. 75], то есть бытие, утратившее свой первоначальный духовный смысл, непосредственно связывающий и связующий человека с реальностью. Именно нарушение связанности и связности проявляет онтологическую природу феномена отчуждения. Человек отчуждается, когда утрачивает связи с миром, то есть когда последние лишаются для него позитивного сущностного смысла и неспособны, таким образом, выступать энергетическим и смысловым основанием для полноценной реализации⁵. Механизм отчуждения, по

---

⁴ Теоретические основания для разработки проблемы отчуждения как смыслоутраты представлены в наработках А. Леонтьева, С. Рубинштейна Д. Леонтьева, К. Абульханово-Славской. Так, А. Леонтьев называет отчуждённой деятельность, у которой сохранены лишь побудительные мотивы в отсутствие смыслообразующих, а С. Рубинштейн говорит о возможности преодоления отчуждения идеала путём его реализации, ведущей к преодолению отчуждения человека от человека и к аутентичной жизни. В экзистенциальной психологии понятие отчуждения соотносится с понятием экзистенциального вакуума (В. Франкл) и «метапатологии» (А. Маслоу), и используется в концепциях Э. ван Дорцена, А. Лэнгле и др. А С. Мадди, опираясь на работы Ж.-П. Сартра и Э. Фромма, описывает отчуждение как экзистенциальный недуг, суть которого состоит в отказе человека от совершения творческого выбора в пользу неопределённости, связанной с осуществлением уникального смысла собственной жизни, в результате чего последняя приобретает конформистский характер, становится осуществлением биологических потребностей и социальных ролей.

⁵ Данная ситуация иллюстрирует проблему отчужденного труда К. Маркса, отношения, принудительно навязанного, а не выбранного человеком. В действиях, совершаемых по внешней необходимости, не происходит реализации родовой сущности человека, и он оказывается отчуждённым от собственной деятельности. Еще один вариант отчуждения описывается экзистенциалистами, когда человек не обнаруживает для себя смысл. Итогом невозможности построить свою жизнедеятельность на смысловых основаниях становится построение ее на иных, более примитивных основаниях, которые например С. Мадди характеризует как конформистский путь развития личности. В этом случае

мнению Э. Фромма, производит «рутинизацию и вытеснение осознания основополагающих проблем человеческого существования» [10, с. 391]. Это приводит к утрате удовлетворённости жизнью, потере чувства реальности, подавленности, чувству вины, депрессии. Более того, речь идет о формировании состояния сознания, при котором человек способен лишь фотографически воспринимать внешний мир, поскольку утратил контакт с миром внутренним. В погоне за материальными благами человек полностью отчуждается от размышлений относительно смысла его жизни, его ценностной ориентации. «Весь ход жизни воспринимается словно выгодное помещение капитала, где инвестируемый капитал – это моя жизнь и моя личность» [10, с. 395].

Присваивая, и реализуя в себе систему отношений составляющих родовую сущность, человек оказывается в ситуации, феноменологически описываемой как экзистенциальный вакуум (согласно В. Франклу)⁶. И этот вирус, проникший в сознание человека и деформирующий цели и задачи человеческой жизни, может быть устранен единственным способом – формированием в структуре личности модуса бытия, направляющего на познание, а не беспощадную утилизацию окружающего мира. Иными словами, задача преодоления отчуждения встаёт перед человеком, как задача поиска и реализации уникального смысла собственной жизни, который хотя и является общественным по своей природе, но должен быть обнаружен как уникальный. Другими словами, теоретическая перспектива преодоления

система взаимоотношений человека с миром регулируется его биологическими потребностями и социальными нормами. Включённость человека во взаимодействие с миром (с миром природы, миром других людей, миром культуры и с собственным внутренним миром) оказывается ограниченной как количественно, так и качественно.

⁶ С феноменом смыслоутраты, описанным В. Франклом, пересекается понятие «метапатологий», введённое А. Маслоу: «если нет ценностей, руководящих жизнью, то можно не быть невротиком, но тем не менее страдать от когнитивных и духовных расстройств, поскольку в определённой степени связь с действительностью искажена и нарушена» [11, с. 189]. В список «общих метапатологий», выделенных А. Маслоу, входят: отчуждение, anomia, ангедония, потеря смысла, потеря вкуса к жизни, десакрализация жизни, желание смерти, чувство собственной бесполезности, отсутствие ощущения свободы воли, цинизм, вандализм, отчуждение от других людей, авторитета и любого общества, и др. [11, с. 300-301].

проблемы экзистенциального вакуума в целом, здесь пересекается с практической в моменте «восстановления» образа «нормальности, нормативности» картины мира на уровне индивидуального сознания.

Речь идет об актуализации потенциала культуры, ее этических принципов, задающих ориентиры гармоничного развития социального и индивидуального порядков. Поскольку «каменные скрижали», дарованные человечеству как шанс восстановления утраченной целостности, возврата в райский сад, выступают одновременно целью и средством человеческого развития. Этические ценности универсальны и внеисторичны, в силу чего, способны наделять смыслом человеческую жизнь. Более того, их сложнее присвоить, чем ценности конкретного социума, представленные в дискурсе и языке отдельной социальной группы, следовательно, и проблематичней отчуждать их значение. Перед ними мы все равны, и потенциальны.

Раскрывая свою онтологическую сущность, универсалии добра, любви, гармонии, порядка находят свой отклик в экзистенции природы человека, чей потенциал требует своего раскрытия, распознавания. И тогда пустота отчуждения, превратившего человека в каменного истукана, идола, слышавшего лишь себя и собственные желания, бездушного и алчного, заполняется потребностью в *причастности* (греч. *εὐ-χάριστία* «благодарение, благодарность, признательность» (от *εὖ* «добро, благо» + *χάρις* «почитание, честь, уважение»)) – стремлением быть частью Целого. Так, в пространстве тотальной глухоты созревает *культура благодарения* – символическое пространство, в рамках которого постигается ценность духовного потенциала личности, ценность Другого. Поэтому «...чтобы найти путь к обновлению, углублению и окрылению своей культуры человечество должно научиться благодарить и именно на благодарности строить свою духовную жизнь» [12]. Поскольку именно благодарность позволяет «ценить то, что даётся; видеть свои естественные и духовные богатства; извлекать из своего внутреннего мира то, что в нём заложено» [12].

Выводы. Таким образом, альтернативой эпохи тотальной глухоты, экзистенциального вакуума выступает пространство, в котором человек обретает свою естественную сущность – духовность. Последняя в качестве данности – Дара, дарованного человечеству, плавно и гармонично вплетается в те этические принципы, которые раскрывает культура благодарения. В этой оптике общество обретает перспективу целостности, в которой связность и связанность человеческих отношений составляют принцип ее организации.

Список використаних джерел

1. Фейербах Л. Сущность христианства / пер. Ю. М. Антоновского. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 307 с. URL: <https://books.google.com.ua/books> (дата обращения 19.06.2018).
2. Руднев В. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – Москва: Аграф, 1999. – 381 с. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/index.htm (дата обращения 17.11.2018).
3. Baudrillard J. Les strategies fatales. Grasset, 1983, P.7-33.
4. Stotz-Ingenlath G. Epistemological aspects of Eugen Bleuler's conception of schizophrenia in 1911. *Medicine, Health Care and Philosophy*. –№ 3(2000).
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2001. – 1375 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. –Екатеринбург: У-Фактория, 2007.– 672 с.
7. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990 URL http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/pa_rel.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 5.06.2018)
8. Baudrillard J. The Divine Left: A Chronicle of the Years 1977–1984 / Trans. by David L. Sweet. – Los Angeles: Semiotext(e), 2014. – 152 p.
9. Огурцов А. Отчуждение // *Философская энциклопедия: В 5 т. – М., т. 4. – 1967.– 190 с.*
- 10/ Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма.– М., 1995. – 596 с.
11. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. – 425 с. URL: <http://psyberia.ru/book/maslow01.pdf> (дата обращения 20.06.2018)
12. Иванова Т. Благодарность и подарок в терапевтических отношениях. *EXISTENTIA: психология и психотерапия*. – 2010. – № 1(3). URL: <http://hpsy.ru/public/x5153.htm> (дата обращения 6.09.2016).

ERA OF TOTAL DEAFNESS: NATURE AND CONSEQUENCES OF ANTI-CULTURAL PROJECT

Y.Y. Brodetskaya

The article reviews the current state of the modern sociocultural processes crisis. The causes and factors of the crisis go back to the source of the human co-existence existence. It is established that ambivalence (norms, values, positions) is singled out as one of the leading features of the modern culture nature. Contrasting themselves with the «binary logic» of traditional culture, this pathology and determines the state of society and human, their perspective. Ambivalence is put in one synonymic series with pluralism and is declared an attribute of the modern consciousness «normality».

The main problem areas and ontological grounds of social destructiveness are revealed, which lie in the rupture of the person's sacred connections with reality, the loss of the life meaning. A person appropriates and realizes in himself a system of relations that constitute his generic essence. He finds himself in a situation that is phenomenologically described as a crisis of meaning, an existential vacuum (according to V. Frankl). This virus, penetrated into the person mind, can be eliminated in a single way. It is necessary to form a being mode in the personality structure that directs a person's potential for cognition, and not for merciless recycling of the surrounding world. It is revealed that the violation of the connectedness and connectivity of a human with reality manifests the ontological nature of the alienation phenomenon. This phenomenon devalues the value and uniqueness of human life, tears the synthesis between meaning and sign.

Prospects for overcoming the problems are outlined. As such, the formation of a qualitatively new space of culture – the thanksgiving culture, the hearing of the Other. The thanksgiving culture is a symbolic field within which the value of a person's spiritual potential, the value of the Other, is comprehended.

Keywords: schizogenism, semantic loss, alienation, universal values, culture of grace.